

ВАЛЕРИЙ КОВАЛЕВ

КРАСНЫЙ ШАЙТАН

18+

Валерий Ковалев

Красный шайтан

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ковалев В. Н.

Красный шайтан / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Фильм «Белое солнце пустыни» смотрели миллионы в России и за рубежом. Смотрят и сейчас, поскольку он стал культовым, что случается довольно редко. С ним космонавты улетают к галактикам, а подводники опускаются в глубины океана. Говорят, приносит счастье. Все помнят сюжет и героев, а многие фразы оттуда, стали крылатыми. Однако мало кто знает, что один из них - таможенник Верещагин, был не вымышленным, а настоящим. Звали героя Михаил Дмитриевич Пospelов, ему посвящается эта повесть.

Валерий Ковалев

Красный шайтан

«Ваше благородие, госпожа Удача,
Для кого ты добрая, а кому иначе.
Девять граммов в сердце постой, не зови,
Не везёт мне в смерти, повезет в любви...»

(из песни Булата Окуджавы)

Глава 1. В Орловских степях

– Мишка, вставай! – донесся снаружи зычный голос.

Спавший в каретном сарае на сене подросток открыл глаза, чихнул и, натянув ботинки, вышел наружу.

Из ворот залитого солнцем росистого двора выезжала одноконная пролетка, посредине стояли отец с матерью и кряжистый усатый человек, рядом баул* и перевязанный шпагатом сверток.

– Ну, здорово, крестник, – пробасил усатый, сделав несколько шагов навстречу и облобызал в щеки. – Эка вымахал (отстранил) уже с меня будишь.

– Да ладно вам, дядя Гиляй, – рассмеялся Мишка.

– Кому Гиляй, а кому Владимир Алексеевич, – строго сказал отец. – Быстро умываться.

Спустя час все вместе завтракали в белом доме с мезонином за празднично накрытым горничной столом.

Глава семьи – Дмитрий Васильевич Пospelов, отставной майор, управлял государственным конезаводом, поставлявшим армии орловских рысаков, его жена, Лидия Петровна, занималась хозяйством, а сын заканчивал гимназию в Орле, откуда приехал на летние каникулы.

Навестивший семью гость по фамилии Гиляровский был известным московским репортером и близким другом отца, вместе с которым они служили на Кавказе в последнюю русско-турецкую кампанию. А еще отличался любовью к лошадям, охоте и всяческим приключениям.

В подарок Мишке крестный привез новенький винчестер*, отцу турецкого табака, а матери изысканные французские духи.

– Ну а у тебя как дела Михаил? – продолжая начатый разговор, хлопнул москвич рюмку анисовой водки.

– Да вроде ничего, – пожал тот плечами, мечтая сбежать из-за стола и опробовать винтовку. – Через год оканчиваю гимназию.

– Это если закончишь, – набив трубку, окутался отец душистым дымом.

– Чего так? – закусывая осетровым балыком, взглянул на парня Гиляровский.

– Учится хорошо, – почмокал чубуком старший Пospelов, – но дерется стервец и дерзит учителям.

– Ничего, я тоже таким был, – рассмеялся Владимир Алексеевич.

– Думаю отдать его в военное училище, – покосился на сына отец. – А вот Лида возражает.

– Да, я против, – помешала хозяйка ложечкой янтарный чай. – Все офицеры пьяницы и дуэлянты.

– Ха-ха-ха! – грохнули мужчины смехом (парень тоже заулыбался).

– А ты что скажешь отрок*? – хлопнул его Гиляровский по плечу.

– Подраться я уважаю, а там как раз этому учат, – прищурил Мишка кошачьи глаза.

– Вот и будешь за Веру, Царя и Отечество – взмахнул зажатой в кулаке трубкой отец, а мать вздохнула (тот был крут и возражений не терпел).

После завтрака гость часок соснул с дороги, затем Дмитрий Васильевич велел запрячь дрожки* и они вместе с гимназистом на облучке, выехали на завод.

Он находился в версте от усадьбы, на берегу сонно текущей речки. За ней до самого горизонта серебрилась ковылем* степь с зелеными перелесками, высоко в небе кругами парил ястреб.

– Эх, влечь бы по нему из винтовки, – прищурился, сидевший на облучке за кучера Мишка.

– А попадешь? – покачиваясь сзади с отцом, сунул понюшку табака в нос Гиляровский и чихнул.

– Он Володя, у меня стреляет, будь здоров, – ответил отец. – Натаскиваю с детства. А еще в рубке и джигитовке.

Миновали деревянный мост через реку, за ним, рядом с березовой рощей, открылся завод. На въезде, за огороженной жердями территорией, стоял рубленый, добротный дом с открытой террасой, в глубине две конюшни с подсобными строениями, а в самом конце обширный манеж для тренировки лошадей.

На нем рослый мужик в красной рубахе и с бичом, гонял по кругу вороного жеребца на длинной корде*.

– Тпру! – натянул Мишка вожжи, въехав на территорию.

Качнув рессоры, пассажиры шагнули вниз, а навстречу уже спешил второй – бородатый и с серьгой в ухе.

– Здравия желаю, ваше благородие! – вытянулся в двух шагах. – Так што на заводе все в порядке. Табун гуляет в степи, больных лошадей нет, людей тоже.

– Рекомендую, мой старший конюх, – обернулся управляющий к гостю.

– Как зовут тебя, братец? – пожал тот крепкую мозолистую ладонь.

– Ефим, барин.

– Казак?

– Точно так, уроженец станицы Усть-Хоперской Донского округа.

– А что Ефим, – кивнул Пospelов в сторону площадки, – получается с Вороном?

– Непокорный черт, – покосился туда старший конюх. – Час назад сбросил с седла Яшку.

– Папа, а разреши мне? – сказал молчавший до того гимназист.

– Ну что же давай, – откликнулся отец, – глядишь, получится.

– Я только переоденусь, – шмыгнул тот носом и поспешил к дому.

– А не расшибет? – засомневался Гиляровский.

– Ништо, – улыбнулся Ефим. – Минька у нас парень шустрый.

Все направились к манежу, по дороге Ефим громко позвал, – Яшка!

– Ась?! – выглянул из конюшни лохматый малый с вилами в руках.

– Быстро тащи сбрую, будем снова объезжать Ворона!

Тот исчез, а группа подошла к месту и остановилась.

– Хватить, гонять, Иван, поводи, чтобы остыл, – приказал потному мужику управляющий. Тот перестал щелкать бичом, жеребец замедлил ход, а потом остановился, кося на людей злым глазом.

– Да-а, видный экземпляр, – поцокал Гиляровский языком. – Настоящая орловская порода.

– Тридцать пять вершков в холке, длина туловища тридцать два, вес двадцать пять пудов, – гордо изрек Пospelов.

Между тем Яшка доставил сбрую, а за ним появился гимназист, в полотняной рубахе навыпуск и заправленных в сапоги штанах.

Едва удерживая храпящего Ворона, трое конюхов взнуздали его, закрепили на спине седло и воззрились на управляющего.

– Давай, – хлопнул он по плечу сына.

Тот быстро подскочил к жеребцу, схватил узду и птицей взлетел на спину. Мужики прыгнули по сторонам, а конь, встав на дыбы, попытался сбросить наглеца. Но не тут-то было – Мишка вцепился в него словно клещ и удержался, а когда упрямец высоко подбросил круп, дал пятками по бокам. Ворон взвизгнул, лягнул копытами и понесся в конец манежа к жердяной ограде. Легко перемахнув ее, задробил в степь быстро уменьшаясь в размерах.

– Ходко идет, черт, – приложил к глазам ладонь старший конюх.

Пара вернулась минут через двадцать. Жеребец, роняя с удил пену, шел мелкой рысью, раскрасневшийся Мишка, чуть подскакивал в седле.

Спрыгнув, передал уздечку Ивану и подошел к крестному с отцом.

– Ничего, – оценил родитель. – Можешь.

– Не то слово, – тряхнул его за плечи Владимир Алексеевич. – Словно я в молодости.

Жеребца хорошо выводить, напоить и задать корму, – приказал Дмитрий Васильевич, и они втроем направились к дому. Фактически это была контора, состоявшая из двух половин. Во второй, жилой, кухарка уже накрыла стол. Умылись, отобедали русскими щами и бараньим боком с кашей, под которые взрослые хлопнули по рюмке «смирновской». Затем оба поднялись на второй этаж в светелку, чуток приспнуть, а Мишка отправился на реку.

Там, раздевшись догола, всласть поплавал, надрал в норах пару десятков раков и, завязав в рубаху, отправился назад. Раков отдал кухарке и пошел в людскую* к конюхам, где после обеда те играли в дурака.

– А ну ка дядя Ефим, сдай и мне, – уселся рядом.

Очередного «дурня» били картами по ушам, у Ивана они уже были красные. Сражались час, гимназист ни разу не проиграл.

– Это што, тебя так в гимназии натаскали? – удивился Яшка.

– Ну да, – учитель географии, – рассмеялся Мишка.

Когда летняя жара спала, а солнце клонилось к закату, они с отцом и крестным, пили на террасе чай. На столе тихо пофыркивал начищенный самовар, все прихлебывали из чашек.

– Да, хорошо тут у вас, – не то, что в Москве, раздолье, – черпнул ложечку меда из вазочки Владимир Алексеевич

– Так оставайся на все лето, в чем вопрос? – подлил себе заварки Дмитрий Васильевич.

– На все не могу, предстоит командировка в Царицын*, разве что на неделю.

За разговором наступил вечер, на землю опустились тени, далеко в степи показался одинокий всадник.

– Наметом скачет, – прищурился Гиляровский.

– Кто-то из табунщиков, – откликнулся Пospelов.

Спустя короткое время всадник въехал через задние ворота на завод, спешил к людской и исчез внутри.

Наружу вышел со старшим конюхом, оба пошагали к дому, поднялись на террасу.

Там Ефим, подойдя к столу, сообщил, что в трех верстах от места выпаса лошадей, табунщики обнаружили волков.

– Где именно? – отставил Пospelов чашку.

– Аристарх, докладдай, – обернулся назад казак.

– В Лихой балке, барин, – сдернул тот с головы картуз. – Искал отбившуюся кобылу и наткнулся.

– Сколько?

– Пара.

– Ну что, Владимир Алексеевич, организуем загонную охоту? – взглянул Поспелов на Гиляровского.

– Непременно, – кивнул гость лобастой головой.

– Держи брат, заслужил, – вынул управляющий из кармана новенький целковый* и протянул табунщику

– Премного благодарен, – принял тот его в мозолистую ладонь.

– Значит так, Ефим Петрович (продолжил хозяин), готовь на утро лошадей и волчатки*.

– Уразумел, – последовал ответ, оба загремели сапогами вниз по лестнице.

На ранней заре, окрасившей алой полоской горизонт, в степь выехали пять всадников. Впереди скакал табунщик, за ним все остальные. У Поспелова с Гиляровским и Ефима на запястьях висели плетеные нагайки со свинчатками на конце, Мишка прихватил с собой винчестер.

Заря меж тем разгоралась, степь светлела, где-то затрещал стрепет. Далеко слева, в легком тумане, угадывался спящий табун, Аристарх принял вправо. Спустя короткое время открылась поросшая деревьями балка, всадники, прибавив ходу и гикая, рассыпались веером, охватывая по сторонам.

В тот же миг оттуда выскочила пара волков, на махах понеслась в степь, быстро удаляясь. Конные нагнали за ними, в ушах засвистел ветер. Пара все ускоряла бег, но лошади догоняли. Вскоре более крупный зверь стал отставать, мчавшийся впереди Гиляровский приблизился к нему вплотную и, свесившись с седла, резко секанул нагайкой по голове. Серый разбойник, кляцнув зубами, с хрипом покати́лся по траве.

За вторым – волчицей бросавшейся из стороны в сторону, поскакали остальные.

Первым ее догнал управляющий, свистнула нагайка – промазал. Зверь прыгнул вправо и снова нагнал ходу, но попал под удар налетевшего Ефима, оказавшийся смертельным. Назад, забрав добычу, возвращались уставшие, но довольные. Кроме Мишки, давно мечтавшем убить серого.

У балки спешили и, спустившись вниз, тщательно осмотрели, надеясь найти логово с волчатами. Его не было.

– Видать пришлые, из леса, – сказал старший конюх, остальные согласились.

По пути заехали в табун уже пасшийся в степи, где осмотрели лошадей, угостились кумысом и отдохнули.

Когда на закате вернулись на завод, Гиляровский с Поспеловым решили поужинать на природе, сварив полевой кулеш. Пригласили для этого дела Ефима (тот был мастер на все руки).

Вскоре на берегу реки под зелеными вербами горел костер, в котле на тагане старший конюх помешивал кулеш из петуха, а хозяева расположились на расстеленном неподалеку ковре с закусками и штофом настоящей на калгане* водки.

Между тем варево поспело, став издавать дразнящий запах, Ефим наполнил им расписные миски, а Дмитрий Васильевич разлил по чаркам из штофа.

– За удачную охоту! – поднял свою, в нее брякнули еще две. Выпили, закусили и стали хлебать деревянными ложками.

– Хорош, – первым опустошил свою миску гость.

– Само-собой, – прогудел Ефим. – На свежем воздухе самая та пища.

Потом достал из котла петуха, разломав на сочные куски, Дмитрий Васильевич вновь наполнил чарки – повторили. Все это время Мишка воспитано молчал, активно работая челюстями.

Когда все насытились, отец закурил трубку, Ефим снял с тагана котел, а Гиляровский, сунув в нос понюшку табака, оглушительно чихнул.

– Доброго здоровья, Владимир Алексеевич, – пожелал крестник – Расскажите, как воевали на Кавказе.

– А разве отец не рассказывал? – прилег тот на локоть.

– Нет (повертел головой). Ему недосуг, дел много.

Старший Пospelов хмыкнув, невозмутимо посасывал чубук.

– Ну что же, тогда слушай.

Было это в одна тысяча восемьсот семьдесят седьмом году, служили мы тогда с твоим отцом в действующем корпусе генерал-адъютанта Лорис-Меликова. Я вольноопределяющимся*, он подпоручиком. Наш пехотный полк занимал позиции на Мухаэстати – справа Черное море, слева горы Аджарии.

А впереди турки, засевшие в крепости Цихидзири и высокая лесистая гора. Ее наши охотники – пластуны* отбили у врага, переколов ночью их заставу, а потом османы, тоже ночью, вырезали нашу. Снова отбили и оставили на горе охотничий отряд, набрав в него добровольцев. Записались туда и мы, молодые были, бесшабашные.

– Это да, – кивнул Пospelов-старший, а Гиляровский продолжал.

– Переоделись мы в черкески с поршнями*, получили вместо гладкоствольных винтовок Карле нарезные, а к ним кошки*, лазать по горам, прибыли на позицию. Народ там подобрался смелый и отчаянный, так что жили весело.

Каждую ночь в секретах да на разведках под самыми неприятельскими цепями. Лежим по кустам за папоротником, то за цепь переберемся, то часового особым пластунским приемом бесшумно снимем и живенько в отряд доставим для допроса.

А чтобы его взять, приходилось горную речку вброд по шее переходить, и обратно тем же путем пробираться уже вдвоем – за часовым всегда охотились двое. Дрожит несчастный, а под кинжалом лезет в воду. Никогда ни одному пленному мы никакого вреда не делали: идет как баран, видит, что не убежишь.

– А Расскажи, Володя, как отбили турецкий десант, – тоже прилег на локоть Дмитрий Васильевич.

– Было такое дело. Ниже Мухаэстати до самого моря тянулись леса и болота, где стояли две пехотные роты, охранявшие побережье от высадки турок с моря. И как-то мы со своей горы увидели два шедших к побережью корабля. Объявили тревогу, те дали пару выстрелов из орудий и скрылись в тумане. Начальство решило, будут высаживать десант и направило для усиления рот нашу команду.

Следующим утром корабли вернулись, спустили две шлюпки полные янычар в фесках, и те под прикрытием артиллерийского огня погребли к берегу. К счастью снаряды рвались в болоте, никого из наших не задело. Когда дистанция сократилась до пятисот шагов, последовала команда «взводами пли!» один за другим загремели залпы.

Часть десанта уничтожили, остальные вернулись не солоно хлебавши.

– Там еще был английский офицер, командовал янычарами, – добавил Пospelов. – Многие целили в него, да не попали. Везучий оказался каналья.

– Это да, – согласился рассказчик. – А уже зимой, в январе, русские войска взяли считавшейся неприступной крепость Цихидзири. Охотникам приказали снять часовых, что мы и сделали, перейдя ночью горную реку, ударила наша артиллерия, пехота пошла на приступ.

Вечером отряд, хоронивший убитых в братских могилах, узнал, что получена телеграмма о перемирии, состоявшемся накануне в Сан – Стефано. Приди она раньше, не погибли бы полторы тысячи храбрецов, а у турок много больше, – закончил Владимир Алексеевич.

Наступила минутная тишина, лишь потрескивал костер, затем Мишка, слушавший с открытым ртом, поинтересовался, – а отличившихся награждали?

– Само-собой. Георгиевскими крестами и медалями. С ними был замечательный случай. Прислали нам в команду несколько серебряных медалей на георгиевских лентах с надписью

«за храбрость», с портретом государя. Получили их семеро лучших, радуются. А восьмой, как бишь его?

– Асланов, – подсказал Дмитрий Васильевич.

– Точно, Инал Асланов, горец и удалой джигит, обиделся. Подходит ко мне и говорит, – пачиму тэбэ дали крест с джигитом на коне, а мэнэ миндал с царским мордам?

У костра грянул дружный смех, особенно хохотал Мишка.

Далее взрослые приняли еще по одной и Ефим, в прошлом казачий урядник* рассказал о хитром приеме шашкой, которому обучил гимназиста.

– Придумал его атаман Платов, а когда не знаю (отмахнул зудящего комара). Как кавалерия меж собой сшибается? Лава на лаву, стремительный галоп, клинки над головами. Сходятся, кружатся в карусели на стремянах в рост, шашки еще выше, что б рубить с полным замахом. Ты, скажем, его по башке, а он клинок над собой, удар отбил и тоже норовит твою снести. Не получится, начинаешь фехтовать, тут, кто кого достанет.

А вот платовский – неотразим, он на полном скаку. Летишь – и враги навстречу. Выбираешь одного, нацеливаешься, и он тебя уже приметил. Ждет, сейчас ты его с плеча рубанешь, как всех учили. Ан нет (блестит глазами Ефим), ты р-раз, шашку к стремяни. Ну, думает, кердык* тебе, открылся дурень.

И в самый последний миг, когда кони сравниваются, не зевай. Руку с клинком молоньей* вперед и в него р-раз! А сам власт на гриву коня... Шашка его по воздуху – свись! Мимо. А сам он на твоём клинке по эфес и фонтан крови.

Есть и второй, говорят тоже придумал атаман, я тебя научу (подмигнул Мишке).

Выбираешь супостата и скачешь на него как обычно, заходя слева, чтобы рубить правой рукой. Тот тоже. А когда до сшибки остается саженой десять, и он свешивается набок, заноса шашку, круто бери вправо, перекидывая клинок в левую. Супротивник теряется, меняет положение (рубить через голову коня несподручно), тут ты и наводишь ему решку*.

– Лихо, – блеснул газами Гиляровский. – И сколько ж ты этими ударами срубил?

– Душ семь башибузуков под Плевной* пожал вислыми плечами Ефим.

– Он у меня георгиевский кавалер, – уважительно сказал Пospelов.

Засиделись до первых звезд, а когда над рекой поплыл туман, отправились спать. Где-то в камышах звонко курлыкали лягушки.

Владимир Алексеевич, как и обещал, погостил у Пospelовых неделю. Жил он в светелке* конторы при заводе, рано вставал, обливался у колодца холодной водою, а после завтрака с Дмитрием Васильевичем и крестником, надолго уезжал в ковыльную степь, мчась наперегонки с ветром.

Там в первый же день опробовали американский подарок. Легкий, походящий на игрушку винчестер бил на триста шагов кучно и точно. Причем лицеист отстрелялся лучше взрослых, сделав всего один промах.

– Да Михаил, – взъерошил ему рыжие вихры крестный. – Если тебе кем и быть, то только военным. Несколько раз они охотились на стрепетов, вылетающих из-под лошадиных копыт, запекая их на костре в тенистых балках, а еще лежа на курганах, любовались степью, над которой плыли легкие облака.

– Сколько же она повидала народов – славян, гуннов, половцев и хазар, а какие тут были сечи, – восхищался репортер. А однажды, глядя в небо, продекламировал стихи Лермонтова

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

В школьной программе их не было, Мишка с удовольствием слушал. А отец, когда отзвучала последняя строка, посасывая трубку, сказал, – великий был поэт. И удалец, каких мало.

Домой возвращались на розовом закате, просветленные и голодные, передав конюхам лошадей, шли купаться на речку, потом ужинали на террасе и вели долги беседы о старине, вспоминали былые походы и друзей. Последний вечер провели в имении, где пили шампанское, а Лидия Петровна музицировала на фортепиано, затем гость распрощался и Пospelов старший вместе с сыном, проводили его в коляске на вокзал губернского Орла.

– Ну, счастливо оставаться, – облобызал их на прощание репортер.

– Приезжай, Володя, всегда будем рады, – повлажнил глазами отставной майор, а Мишка добавил, – особенно я, дядя Гиляй.

Затем гость с баулом в руках поднялся в синий вагон-микст*, трижды брякнул станционный колокол, по составу прошел лязг сцепок, все, убыстряясь и набирая ход, завращались колеса.

Когда отец с сыном вернулись домой, в высоком лиловом небе мерцали звезды, в спящем парке за домом звонко цокал соловей. Передав коляску кучеру, оба поднялись по ступеням в дом и, пожелав друг другу покойной ночи, разошлись по комнатам. Мишкина была наверху, в мезонине. Войдя внутрь, он зажег настольную лампу, прибавив света, открыл балконную дверь. Из парка потянуло свежестью и запахом ночной фиалки.

Раздевшись, разобрал постель, улегся и, взяв с прикроватной этажерки книгу, стал с интересом читать. Это были «Вольные стрелки» Майн Рида. Там же имелись тома Купера, Стивенсона и Кона Дойла, а из русских писателей Карамзина с Гоголем и Загоскина.

Любовь к литературе сыну привила Лидия Петровна, в прошлом выпускница Смольного института*. Пыталась и к музыке, дав несколько уроков на фортепиано, однако дальше «Собачьего вальса» Мишка не продвинулся. Дмитрий же Васильевич называл все это баловством и читал только «Биржевые ведомости» и пособия по коневодству.

Свет в окне флигеля погас только перед рассветом.

Глава 2. Первая любовь

А через несколько дней, под вечер, на конезавод из Борисоглебского уланского полка, квартировавшего в Ливнах, для закупки лошадей прибыли ремонтеры: сухощавый и подвижный штаб-ротмистр Шевич с молодым поручиком в пролетке, за ними верхами вахмистр с тремя уланами.

Шевича Пospelов знал по прежним наездам, встретились как старые знакомые.

– Сколько на этот раз Юрий Петрович? – пожал он офицеру руку.

– Десять кобыл трехлеток и пару таких же жеребцов, Дмитрий Васильевич.

– Найдем, – прошу в контору.

Ротмистра с поручиком разместили в одной из ее жилых комнат, вахмистра и остальными в людской, лошадей, задав корму, поставили в конюшню. Ефим с Мишкой, до этого

занимавшиеся на манеже с Вороном закончили дело и, умывшись, отправились в людскую, пообщаться с уланами.

Те уже поужинали щами с кашей и дымили сигарками, у окна, на лавке, Иван, орудуя шилом, чинил хомут.

– Ба! Да никак Степан Кузьмич! – переступил порог старший конюх.

– Я, Ефим Аверьяныч, – поднялся вахмистр, пожав ему с гимназистом руки. – Вот, были за лошадами, в полку небольшой ремонт*.

– Как же, как же, уважим, – присел напротив Ефим с парнем. – Ну, как дела, как служба?

– А что ей делается? Идет. По весне вернулись из Польши. Квартировали в Гданьске почитай год

– Маневры? – со знанием дела спросил казак.

– Вроде того, ну и для порядка.

– Это само-собой, очень уж пакостный народ. Мне отец рассказывал.

– Служил там? – вскинул бровь вахмистр.

– Подавлял восстание.

– А что за восстание? Никогда не слышал, – вылупил глаза Мишка.

– Как же, было такое, – подтвердил вахмистр. – При Императоре Александре Николаевиче.

Стали набирать в армию очередных рекрутов, а поляки взбунтовались. Создали под Варшавой несколько отрядов, вооружились и пошло-поехало. Принялись нападать на наши гарнизоны, убивать офицеров и солдат. Потом к ним пришли добровольцы из европ, получилось войско тысяч на пятьдесят.

Ну, наши им и дали, разгромили в пух и прах. Зачинщиков повесили, многих отправили Сибирь, а остальным всыпали шпицрутеннов*, что б было неповадно.

– И бунтовали они не в первый раз, – добавил молодой улан, оказавшийся из студентов. – В одна тысяча восемьсот тридцатом шляхта*, желая отделиться от России, устроила покушение на цесаревича Константина* в Варшаве, а когда не удалось, призвало к восстанию польские полки, частично ее поддерживавшие.

Они составили пятьдесят тысяч пехоты, восемнадцать – кавалерии и три тысячи волонтеров при двух сотнях орудий. Война длилась почти год, наши войска разбили мятежников, оставшиеся в живых бежали в Австрию и Пруссию.

– Вот я и говорю, поганый они народ, – сказал Ефим. – Изменщики да предатели.

Потом разговор зашел о видах на урожай, ценах на хлеб и другом, бывшем для Мишки неинтересным. Он посидел для блезиру* еще минут пять, а затем потихоньку вышел.

Отец с Шевичем и поручиком сидели в его кабинете, играя в преферанс. Перед ними на столе стояла открытая бутылка шустовского коньяка и три рюмки, в воздухе витал табачный дым.

– Здравствуйте, господа, – поприветствовал офицеров гимназист.

– Здравствуй Миша, – поднял от карт глаза Шевич, а поручик улыбнулся, – бонжур.

– Как идут дела с Вороном? – сделал очередную взятку отец.

– Неплохо, папа, сегодня освоили все три аллюра.

– Добро, – бормотнул тот, и игра продолжилась.

Мишка, присев на свободный стул немного понаблюдав, а затем ушел на жилую половину. Там у него была своя комнатка с диваном и всем необходимым, на стене висели казачья шашка и дареный винчестер.

Сняв его, достал из небольшого сундучка принадлежности для чистки, неспешно разобрал. Винтовка была с лакированной ложей, трубчатым магазином на семь патронов и рычажным взводом. Для начала, смочив веретенным маслом шомпол, Мишка протер ствол, затем перешел к остальному.

Когда спустя час, лежа на диване, он листал свежий номер «Нивы» с иллюстрациями, со стороны отцовского кабинета донеслись звуки гитары и приятный баритон

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые...

грустно выводил поручик.

– Не иначе проигрался, подумал Мишка, отложил журнал в сторону и погрузился в сон.

Утром в направлении степи следовала кавалькада: впереди две пролетки, с управляющим, офицерами и гимназистом, сзади, верхами, Ефим с уланами.

Степь алмазно блестела росой, воздух пьянил, на востоке вставало солнце.

Лошадиный, в полтораста голов табун, теперь пасся на версту дальше, в травянистой широкой низине с небольшим, подернутым туманом, озером. Рядом имелся загон из жердей, стояла выцветшая брезентовая палатка, рядом на приколе три поджарые лошадки.

Подъехали, господа вышли из пролеток, остальные спешились. Табунщики шуганули двух подбежавших лохматых овчаров*, старший снял баранью шапку.

– Значит так Матвей, – подошел к нему управляющий. – Отловите десять гнедых кобыл и пару таких же жеребцов. Все трехлетки.

– Понял, барин (вернул обратно) и обернулся к остальным. – За дело ребята.

Те быстро отвязали лошадей, вскочив в седла, гикнули и понеслись к табуну.

Спустя пару часов в загоне беспокойно фуркали и вертелись, пойманные арканами и придиричиво осмотренные офицерами кони. Двух при этом заменили, посчитав мелковатыми, с чем управляющий, немного поспорив, согласился.

Когда трехлетки остыли и успокоились, их выпустили из загона, уланы, окружив группу, погнали ее в сторону завода. Шевич дал табунщикам на водку, господа погрузились в пролетки и покатали вслед.

Когда степь закончилась, небольшой табун запылil по дороге, а пролетки въехали в ворота. Перед конторой все выгрузились, управляющий с офицерами прошли в его кабинет. Там штабс-ротмистр, достав из кармана бумажник, отсчитал Пospelову две тысячи рублей кредитными билетами* с двуглавым орлом, а тот выдал ему расписку на покупку. Затем все вместе вышли во двор, попрощались, ремонтеры уселись в повозку, и та выкатилa с завода.

Мишка в это время растворив окно светелки, наблюдал сверху за все удалявшимся табунном. Он трепетно любил коней и всегда жалел тех, что уходили с ремонтерами. Другие, которых покупали именитые граждане, как правило, жили в неге, этим же предстояла служба и нередко гибель в сражениях.

Пятилетним мальчиком отец впервые посадил его на скакуна и, держа в руках уздечку, Мишка проехал шагом по манежу. Сердце едва не вылетало из груди, в душе страх, но героически стерпел. Далее были новые занятия, уже с Ефимом, а потом пришла любовь к этим сильным, умным и преданным животным.

Вскоре табун растворился в голубой дали, он вздохнул, закрыл окно и сбежал по ступенькам вниз.

Кончилось лето, степь окрасилась в осенние тона, в выцветшем небе к югу тянули журавлиные стаи. Каникулы закончились, для Мишки начался последний год учебы. Поскольку имение Пospelовых было в трех верстах от Орла, он жил в пансионе при гимназии. Она была государственной, мужской, обучались дети разных сословий. Преподавали русский язык, историю и географию, математику с физикой, логику, французский, черчение и рисование, а также закон Божий.

Учился юный Пospelов хорошо (шел вторым в классе), но вот дисциплина хромала. Виной был вспыльчивый, как у отца характер и обостренное чувство справедливости. На втором году обучения один из гимназистов, старше на два года, обозвал его сыном лошадника. Мишка прилюдно отлупил обидчика, за что к директору вызвали мать.

– Нельзя бить людей по лицу, – убеждала его потом дома Лидия Петровна

– Подлецов можно, – не соглашался Дмитрий Васильевич. – И всегда бей первым.

В старших классах Мишка после занятий стал тайно посещать театр с цирком, что строго воспрещалось, где было необычайно интересно. Ему нравилась игра актеров, о которых много рассказывал Гиляровский, работа акробатов под куполом, иллюзионист*, а больше всего конный аттракцион.

Бдительные воспитатели вычислили отрока* и занесли в кондуит* как злостного нарушителя дисциплины.

Занятия начались с посещения гимназии градоначальником, действительным тайным советником* Трубниковым, в окружении других официальных лиц.

Воспитанников, облаченных в синие мундиры с надраенными пуговицами, выстроили в главном зале, под портретом Императора. Градоначальник, чуть картавя, произнес речь о пользе образования на благо Отечества и их задачах, а приглашенный фотограф трижды полыхнул магнием.

Когда речь закончилась, гимназисты, по знаку инспектора, завопили «ура!», тайный советник вместе со свитой величаво удалился, а воспитанников развели по классам. Учебный год начался.

В декабре пришла зима с трескучими морозами и метелями, навалило снега. По утрам дворники махали деревянными лопатами, на городских улицах появились сани в упряжках, на деревьях посвистывали снегири, детвора играла в снежки.

Учеба шла полным ходом, приближались рождественские каникулы, а за ними Новый год. Мишка ждал их с нетерпением, хотелось пожить у родителей, навестить Ефима и покататься на Вороне, который, стал отменным скакуном

В театр он больше не ходил, запросто можно было нарваться на педагогов, а вот цирк регулярно посещал, тем более у него появились там знакомые. Получилось это случайно.

Как-то погожим сентябрьским днем Мишка возвращался после занятий в пансион. В воздухе плавали серебряные нити паутины, с деревьев, кружась, опадали листья. Чуть впереди, с тротуара сошла пара – пожилой представительный мужчина в котелке и с тростью, под руку с юной девушкой. Они стали переходить улицу, и в это время из – за угла на бешеной скорости вывернула повозка.

Извозчик, откинувшись назад, натягивал вожжи, но лошадь, как видно понесла и не подчинялась. Пара застыла в ужасе, а Мишка не помня как, оказался у морды жеребца, повиснув на удилах. Тот прынул в сторону, протащил его десяток метров и встал, тяжело поводя боками.

– Вы не ранены?! – поспешили к гимназисту мужчина с девушкой.

– Да нет, – ответил, успокаивая коня. – Стой спокойно дурашка.

Лихач, извинившись, покотил дальше, а девушка внезапно сказал «ой, да у вас рукав лопнул!».

– Точно, – пощупал мундир Мишка и засмутился.

– Давайте зайдем к нам, молодой человек, – предложил мужчина, показавшийся знакомым. – Дочь аккуратно зашьет, а заодно напоим вас кофе.

– Соглашайтесь, улыбнулась та, – ведь вы наш спаситель. – Кстати, живем мы совсем рядом.

– Хорошо, – кивнул Мишка.

По дороге состоялось знакомство. Мужчину звали Александр Иванович Берлизов, он оказался цирковым иллюзионистом, а его дочь – Лиза, воздушной гимнасткой. Жили они в доходном доме купца Суханова на соседней улице, арендуя там квартиру.

Когда лопнувший шов был аккуратно зашит, все трое уселись за стол пить ароматный кофе со сливками, завязался разговор. А когда выяснилось, что их новый знакомый поклонник цирка и лошадей, Берлизовы предложили навещать его бесплатно.

– Это как? удивился гимназист.

– Да очень просто, – рассмеялся Александр Иванович. – Покажите служителю при входе это (вынув из бумажника, протянул визитку), и он пропустит.

– Понял, – спрятал ее в карман Мишка.

Ночью, ворочаясь на койке в пансионе, долго не мог уснуть. Очень понравилась Лиза. Тоненькая, стройная, с черными волосами и карими глазами. До этого знакомых девиц у него не было. Да еще таких, чтоб работали под куполом цирка.

С этого дня Мишка стал навещать его много чаще и вскоре попал за кулисы, где шла своя удивительная жизнь: в клетках рычали звери, артисты разминались перед выходом, статисты таскали реквизит, пахло лошадьми и опилками.

Лиза познакомила с наездниками, а когда он рассказал, что знает джигитовку, те захотели посмотреть. После одного из представлений Мишка показал и старший оценил, – умеешь гимназист. – Если желаешь, научим еще несколькими трюкам. Тот пожелал и через время освоил их, став посещать после занятий тренировки.

Между тем чувства к Лизе росли, воскресеньями они гуляли по городу, катались на карусели в городском парке, а потом заходили в кафе, где на карманные деньги Мишка угощал ее лимонадом и пирожными. Девушка была смешливой, разговорчивой и начитанной, а еще немало поездила с отцом по России, работая в самых разных цирках. Александр Иванович был из Воронежских мещан*, как и мать Лизы, умершая через несколько лет после ее рождения.

Рождественские каникулы Мишка провел у родителей в имении и на заводе, где занимался на манеже с Вороном, фехтовал с Ефимом пашками, а еще охотился с отцом на лис и зайцев. Однажды их застал в степи буран и, укрывшись в балке, они ночевали у костра, приехав утром на завод, где уже начались поиски.

Потом каникулы закончились и, вернувшись в город, Мишка узнал, что Лиза погибла, сорвавшись на праздничном представлении с трапеции*. Не веря в случившееся, наняв лихача, помчался на городское кладбище. Пробежав до конца по расчищенной от снега аллее, остановился перед свежей, утопавшей в цветах могилой, откуда на него из рамки с траурной лентой, смотрела Лиза.

Сердце рвала боль, и он заплакал. Еще через сутки решил навестить Александра Ивановича на квартире, выяснить, как и почему все случилось, но не застал. Накануне тот уехал, уволившись из цирка.

Так, не успев начаться, закончилась первая любовь.

В цирк Мишка больше не ходил, став неразговорчивым и мрачным, потянулись безрадостные дни. Родители заметили перемену в сыне, но на вопросы «что случилось», он отмалчивался.

– Мальчик вырастет, – сказала по этому поводу мужу Лидия Петровна.

Затем пришла весна, снега растаяли, проклюнулась трава, а в мае начались выпускные экзамены. Их молодой Пospelов сдал успешно, получив аттестат зрелости.

– Ну что же, молодец, – хмыкнул Дмитрий Васильевич, прочитав гербованную бумагу с оценками. – А это тебе от нас с мамой, – открыв ящик письменного стола, вручил сыну золотой брегет* с цепочкой. – Лето отдыхай и готовься к поступлению, в августе едем на Кавказ.

Он принял окончательное решение отдать Михаила в Тифлисское военное училище, которое в свое время закончил сам. Училище, созданное в 1864-м году наместником на Кав-

казе великим князем Михаилом Николаевичем, считалось престижным и готовило пехотных офицеров. Изначально туда набирали отпрысков только верхних сословий, но армия постоянно увеличивалась, стали разбавлять мещанами. Обучение составляло три года, после чего выпускники распределялись в армейские части.

Сын было заикнулся, что хотел бы в кавалерийское, но отец значительно сказал, – пехота царица полей! Запомни это. Кстати, там начальником – полковник Томкеев Иван Петрович, мой старинный знакомый.

– Вот как? – удивился Михаил. – Не знал.

– Служили вместе, потом я вышел по ранению в отставку, а он продолжил. Но экзамены будешь сдавать честно, без протекции*. Ты меня понял? – взглянул на сына.

– Понял, – ответил выпускник.

Лето он провел на заводе, где каждое утро уносился на Вороне в степные просторы, через час возвращался и помогал Ефиму с конюхами, а в полдень, искупавшись на речке, обедал на террасе с отцом. Вторую часть дня, уединившись в светелке, занимался подготовкой. Экзамены предстояли по русскому языку, математике и физике на условиях конкурса. А вечерами, когда солнце опускалось к закату, Михаил шел к реке, где садился на траву под ивами, слушал щелканье соловьев и с грустью вспоминал Лизу.

Глава 3. Юнкер

В первых числах августа выпускник попрощался в имении с матерью (та всплакнула) и утром Ефим отвез их с отцом в пролетке на железнодорожный вокзал. Там, предъявив кондуктору билеты, оба сели в купе 1-го класса поезда Орел-Тифлис. В таких купе Михаил еще не ездил и с интересом оглядывал стены, отделанные ясенем, бархатную обивку диванов и до блеска начищенные медные рукоятки.

Определив баул с чемоданом на багажную полку, они с Дмитрием Васильевичем уселись друг против друга, по коридору прошествовал проводник в форменном мундире со словами «господа провожающие, просьба покинуть вагоны, поезд отправляется!». Спустя короткое время звякнул станционный колокол, состав дрогнул, за окном поплыла платформа

– Ну, вот и поехали, – сняв летний картуз и пиджак, определил Дмитрий Васильевич их на вешалку. Михаил, не отрываясь смотрел в окно, за которым сначала открылись центр города с золотыми маковками соборов и церквей, блестящая под солнцем Ока, а потом утопающие в садах окраины. Смотрел и думал, что ждет его впереди. Детство закончилось.

Вскоре проводник стал разносить чай с лимоном в серебряных подстаканниках – отец попросил два, они выпили его, и Дмитрий Васильевич стал просматривать купленные на перроне газеты, а Михаил вышел в коридор. Он был длинным с зеленой ковровой дорожкой на полу, чуть покачивало. Взявшись за поручень, снова принялся смотреть в окно. Теперь за стеклом проплывали созревающие поля конопли и ржи, леса с перелесками да степь с пасущимися вдали табунами и отарами.

Постояв немного, вернулся назад и принялся читать захваченную с собой книгу.

Когда наступил полдень, они с отцом направились в вагон-ресторан подкрепить силы. Его Михаил тоже посетил впервые и был приятно удивлен окружающим великолепием. Вдоль стен сияли хрусталем компактные столы с белоснежными скатертями и мягкими диванами, блестела мельхиором буфетная стойка с многочисленными за ней бутылками, по проходу порхали два официанта.

Народу было немного – компания офицеров, чопорная пара и несколько сидящих отдельно, Пospelовы устроились за крайним столом. К ним тут же поспешил один из официантов и со словами «чего господу изволят», перечислил десяток блюд.

– Принеси нам любезный две солянки, по бараньей котлете и икры, – чуть подумал отец.

– Из напитков?

– Полбутылки коньяку и сельтерской.

Через пять минут все было доставлено, приступили к трапезе. Ее Дмитрий Васильевич дополнял янтарным напитком, а Михаил холодной, щипавшей в носу водой. Затем отец расплатился, дав служителю на чай вернулись к себе в купе, где старший Пospelов, сняв пиджак с ботинками, улегся на диван и засвистел носом, а младший извлек из баула небольшой томик. Это был «Герой нашего времени» Лермонтова про Кавказ, о котором хотелось больше знать. Ритмично стучали колеса, Азамат похищал Бэлу – тоже уснул.

Вечером поезд сделал остановку в Ростове, Дмитрий Васильевич с Михаилом вышли из вагона, прогулялись по перрону и купили у разбитной торговли полосатый арбуз.

– Не зеленый? – пощелкал по нему ногтем отставной майор.

– Сахарный, барин, – белозубо улыбнулась казачка. – Можете быть уверены.

Когда состав тронулся, арбуз нарезали. – Сладкий, – довольно сказал отец, сплюнув в тарелку семечку.

На следующее утро подъезжали к Тифлису. Он раскинулся в длинной узкой долине, окруженный горами, розовеющими в первых лучах солнца.

– Красиво, – обернулся от опущенного окна Михаил.

– Это да, – согласился стоящий рядом Дмитрий Васильевич.

На перроне с многочисленными пассажирами они передали вещи носильщику с бляхой на фуражке, прошли через здание вокзала и погрузились в одну из рессорных повозок с кучером-грузином на козлах.

– А что, приятель, гостиница «Ориант» работает? – спросил у него Пospelов старший.

– Есть такой, – кивнул папайкой кучер.

– Давай туда.

Лошадь зацокала копытами по дороге, Михаил с интересом взирал на незнакомый город. А он впечатлял: на одном из склонов высилась древняя крепость, ниже меж скал прыгала река, и уступами тянулись дома с плоскими крышами и балконами. Вскоре впереди открылся широкий проспект, с современными зданиями, многочисленными магазинами, ресторанами и лавками, а за ним широкая площадь с караван-сараями и бронзовым памятником Пушкину.

– А вот это дворец наместника Кавказа, – указал отец пальцем на величавое здание с колоннами и античными фигурами, окруженное парком с клумбами за кованой оградой.

Гостиница оказалась в конце проспекта и представляла собой трехэтажное здание в стиле классицизма.

Кучер натянул вожжи, повозка остановилась у входа, прихватив вещи, расплатились. Войдя в прохладу высокого вестибюля, направились к стойке, где Дмитрий Васильевич заказал двухместный номер и получил ключи, служитель взял чемодан с баулом, поднялись на второй этаж.

Номер оказался просторным, в две комнаты с добротной меблировкой, электричеством и водопроводом. Получив за услуги, носильщик ушел, гости привели себя в порядок. Михаил достал из чемодана папку с документами, и оба спустились в вестибюль, откуда прошли в гостиничный ресторан. Это был высокий светлый зал с люстрами вверх, картинами на стенах, мебелью в стиле ампир* и пальмами в кадках.

Усевшись за один из столов, Дмитрий Васильевич подозвал официанта и заказал легкий завтрак, состоявший из омлета с зеленью, гренок и кофе. Когда поели, расплатился, оба вышли на улицу и снова наняли извозчика.

– К военному училищу, – откинулся на сидении отец, коляска покатила по брусчатке. – Да (продолжил) изменился Тифлис, похорошел и расстроился.

– Бывали у нас барин? – обернулся извозчик.

– Бывал. В последнюю военную кампанию.

Через десять минут остановились у длинного, в два этажа здания на Михайловском проспекте, расплатившись, вышли из коляски. Поднялись по ступеням в караульное помещение, где за перегородкой сидел молодцеватый прапорщик с револьвером в кобуре и два юнкера с тесаками* на поясах.

– Дмитрий Васильевич представился (тот встал) и попросил сопроводить к начальнику училища.

– Он вас приглашал?

– Нет, я его старый товарищ, приехал навестить.

– Таволжанский, – обернулся прапорщик к юнкерам, – сопроводите господ к полковнику.

– Слушаюсь, – ответил один, – прошу следовать за мною.

Втроем вышли в проходную дверь, впереди открылся широкий плац, на котором маршировал строй, по бокам высились казармы. Миновав их, оказались у особняка с росшими вдоль фасада елями,

– Прошу, – открыл юнкер половину двери. – В отделанном мрамором вестибюле в стеклянной пирамиде стояло училищное знамя, рядом застыл часовой с винтовкой.

Юнкер козырнул, поднялись широкой лестницей наверх, прошли сияющим паркетом коридором в его конец. Там он передал Пospelовых адъютанту с аксельбантом, доложив о цели визита.

Одну минуточку, – указал тот на стулья у стены и скрылся за высокой дверью приемной. Через минуту вернулся, оставив ее открытой, – проходите. А навстречу из-за широкого стола, с портретом Государя Императора сзади, уже спешил, разведя руки в стороны, невысокий сухощавый полковник с орденами Святой Анны, Станислава и крестом «За переход Дуная» на мундире.

– Дмитрий Васильевич, батенька ты мой! – троекратно облобызался с Пospelовым старшим. – Это ж сколько мы не видались?

– Лет семь, Иван Петрович, с тех пор как вышел в отставку, – растроганно прогудел гость.

– А в наших краях как?

– Да вот, привез сына поступать в училище, – кивнул на стоявшего позади отрока.

– Здравия желаю, господин полковник! – вытянулся тот.

– Ну-ка, ну-ка, – подойдя, оглядел его начальник. – Гренадер!* Как зовут?

– Михаил (вздернул подбородок).

– Будем знакомы, Михаил, – протянул руку. – Так значит, желаешь стать офицером?

– Да, желаю. Как отец.

– Ну что же, похвально, – похлопал по плечу. – Затем пригласил гостей сесть, и старшие предались воспоминанием. Впрочем, длилось это недолго, поскольку через час полковника во дворце ждал наместник*. Вызвал адъютанта он, приказав принять документы и занести в строевую часть, а у Дмитриевича Васильевича спросил, – где остановились?

– По старой памяти в гостинице «Ориант».

– Отлично. В два часа заеду, пообедаем в одном красивом месте.

Тем же путем, но уже без сопровождения, Пospelовы вышли из училища, прогулялись и вернулись в гостиницу.

Ровно в назначенное время в дверь постучали – за порогом стоял адъютант.

– Иван Петрович внизу в коляске, – приложил руку к фуражке.

Спустя несколько минут от гостиницы отъехал лакированный фаэтон с откидным верхом и солдатом на облучке. Оставив позади центр, он пересек мост через бурную реку, поднялся в предместье с садами и виноградниками где остановился у небольшого духана*. К нему, у самого обрыва была пристроена терраса, оттуда открывался чудесный вид на город и окружающие пейзажи.

Все, вышли из коляски, а к ним уже спешил хозяин – широкоплечий, средних лет человек в круглой войлочной сванке* и темной черкеске с газырями.

– Здравствуй Амиран, гостей принимаешь? – обратился к нему Томкеев.

– Всегда вам рад господин полковник, – приложил тот руку к груди. – Чего желаете?

– Пообедать с моими друзьями на террасе.

– Сочту за честь, – и, обернувшись громко позвал, – Мамука!

Из двери возник второй, в белом фартуке, – хозяин что-то сказал на грузинском.

Вскоре вся компания сидела в указанном месте за столом, куда Мамука доставил всяческую зелень – лук, редис, петрушку кинзу, горячий лаваш и нарезанный ломтями сулугуни*. Затем появились стаканы и с тонким горлышком запотевший кувшин, а в завершение шампуры с дразняще шипевшими шашлыками.

– Доброго аппетита, – чуть поклонился Мамука и вернулся в духан.

Адъютант, поручик по фамилии Кипиани, наполнил стаканы красным вином, передав каждому. Полковник, распушив усы, встал (остальные тоже) и предложил тост за встречу. Каждый выпил до дна, включая Михаила – душистое, с терпким вкусом вино ему понравилось. Сочный шашлык тоже, хотя с шампура есть было непривычно.

– Помнится, мы такое пили в Аджарии, – сказал, закусив Пospelов.

– Ну да, на позициях, – рассмеялся начальник училища, повторили, закусив сыром, завязался непринужденный разговор. В это время из духана снова появился хозяин и подошел к гостям, – всего ли хватает?

– Хватает, Амиран, – кивнул полковник. – Разве что покорми денщика.

– Уже, – последовал ответ, и духанщик направился обратно.

– Приятный какой человек, – глядя вслед, сказал Дмитрий Васильевич.

– Во всех отношениях, – рассмеялся поручик, – бывший абрек.

– А разве они еще бывают? – вытаращил глаза Михаил.

– У нас на Кавказе молодой человек, все бывает, – назидательно сказал Томкеев. – Вы, Дмитрий Васильевич помните ротмистра Ануфриева?

– Как же помню, он командовал кавалерийским эскадроном.

– Ну, так этот самый духанщик был у него лихой рубака. Генерал Лорис – Меликов даже наградил его именным «смит-вессоном»*. По окончании кампании уехал к себе в горное селение и там повздорил с местным князем. – Тот приказал Амирану кланяться, он отказался, за что получил удар плетью. Не стерпев обиды, ночью сжег княжеский дом и ушел в абреки.

Через год полиция поймала, храбрецу светила тюрьма, но я отстоял. Съездил к наместнику, и тот объявил ему амнистию. Потом Амиран купил этот духан, он в Тифлисе один из лучших.

– Я же и говорю, весьма приятный человек, – снова сказал Пospelов, все весело рассмеялись.

– А кровная месть у вас осталась? – поинтересовался Михаил.

– Как же, как же, – благодушно прогудел полковник. – Расскажите Сергей Багратович о последнем случае. Адъютант снова налил всем вина, и на минуту задумался.

– Не так давно вон за тем перевалом (кивнул на горную гряду) жили две семьи. И между ними существовала давняя вражда, из-за чего, теперь уже никто не помнит. Власти пытались их мирить, одного отправили на каторгу, ничего не помогало. Каждый год кровники убивали друг друга. Дошло до того, что в одной остались мать и три брата, а во второй отец с сыном.

Ну, вот в той, что больше, решили напасть на вторую и убить всех. Дома оказался лишь старик, сын ушел с отарой на все лето в горы. Отца братья застрелили, а Давида – так его звали, оставили на осень. Но тот спустился раньше, обнаружил мертвого отца и напал первым. Старших братьев убил, а младшего шестнадцати лет, взял в плен. Дома посадил на цепь в хлеву и заставил целыми днями молотить на ручном жернове ячмень, который продавал в городе.

Кормил тем же чем себя, если отказывался работать – бил плетью. Прошли три года, от тяжелого труда руки пленника налились силой, и как-то поутру, когда хозяин принес еду, удавил Давида цепью. Извлек из его кармана ключи, отпер замок и освободился. Но уйти с усадьбы не смог, волкодавы загрызли насмерть. Такая вот история, – закончил поручик.

«Дикий какой народ» подумал Михаил, а он, подняв стакан, провозгласил очередной тост – за благополучие присутствующих. Выпили, закусили, беседа потекла дальше. Когда вечернее тона окрасили в пурпур окрестности, а в долинах поплыл туман, фаэтон катил по дороге обратно.

А спустя два дня, Михаил в числе других кандидатов, проходил в училище медкомиссию. Отец, распрощавшись с ним и Томкеевым, уехал домой, сын поселился в казарме. Голая вереница кандидатов, более сотни человек, ежась и прикрываясь ладонями, шли длинным коридором, за столами которого сидели врачи в белых халатах. Их взвешивали, измеряли рост, проверяли слух со зрением, обстукивали и слушали.

– Занимались спортом, молодой человек? – поинтересовался, осмотрев Пospelова, пожилой доктор в мундире под халатом и бородкой клинышком.

– Немного, – ответил Михаил.

– Похвально, – сделал тот в ведомости отметку, – следующий!

Комиссия забраковала троих, на следующий день начались экзамены. И каково же было удивление недавних гимназистов, когда в них приняли участие несколько унтер-офицеров.

– Эти из армии, – сказал кто-то знающий.

Первым была математика. Кандидаты заходили в классы, брали со стола билет, называли экзаменатору и рассаживались по партам, на каждой из которой лежали тетрадка и карандаш. Рядом с Михаилом оказался рослый унтер-офицер с серебряной медалью.

Задачки оказались легкими, он их вскоре решил и покосился на соседа. Тот покусывал губы, находясь в явном затруднении. Чуть наклонившись вбок, Михаил прочел его, и на промокашке написал решения. Взглянув на преподавателя (тот наблюдал что-то в окно), быстро придвинул соседу.

Когда время истекло и все, сдав тетради, освободили класс, тот подошел к Пospelову и крепко пожал руку – спасибо, вовек не забуду. Познакомились. Унтера звали Николай Волков, медаль у него была «За поход в Китай».

– А разве был такой? – озадачился Михаил.

– Был. Как-нибудь расскажу.

В течение недели экзамены завершились, десяток кандидатов выбыли, остальные, в том числе Пospelов с Волковым, поступили в училище. После объявления приказа всех, построив, сводили в баню, где остригли наголо и заставили вымыться, а оттуда на склад, именуемый цейхгаузом. Там переодели в солдатское белье, гимнастерки с шароварами, сапоги и бескозырки.

На плацу снова построили, объявив, что они являются младшей учебной ротой и разбили по взводам. Пospelов с Волковым оказались на правом фланге в первом. Потом руководивший действием фельдфебель с золотым шевроном на рукаве прорысил к стоявшей все это время в стороне группе – офицеру и трем юнкерам старшего курса. Бросив к виску руку, что-то доложил.

Те подошли к шеренгам и офицер, поворачивая голову слева направо, зычным голосом сообщил, что он командир роты капитан Галич. Далее представил остальных, те были взводными.

– С этого момента я для вас отец родной! – повысил голос. – Но строгий, – вздел кверху палец.

Капитан ушел, взводные повели роту на обед, а оттуда в казарму. Она была красного кирпича, с большими окнами и вычурным фронтоном. Нижние два этажа пустовали (юнкера старших курсов находились в отпусках), младших завели на третий.

Там распределили по парным койкам, меж которых стояли шкафчики, а впереди табуреты. Командиры взводов показали другие помещения. В их числе умывальник, с длинным рядом рукомойников, совмещенный с курилкой и уборной, каптерку и оружейную комнату. А еще коридор с кабинетом командира при входе, куда выставили дневального.

До вечера время прошло в ознакомлении с правилами поведения и другими наставлениями, затем были ужин и личное время.

– Ну, так что это за такой поход в Китай? – снова спросил у Волкова Пospelов, присев с ним рядом на койку.

И тот рассказал, что служил в Харбине, в бригаде генерала Гернгросса. Она охраняла российский участок КВЖД* и год назад китайские войска, желая его захватить, осадили город. Их отбили, а потом с другими частями перешли границу и взяли штурмом Пекин.

– За него и получил, – закончил Волков

– А сюда как попал?

– Подал рапорт по команде, хочу стать офицером.

Когда за окнами стемнело, роту построили, проводя перекличку, последовала команда «отбой!».

Со следующего утра начались занятия, распорядок был следующий: подъем в шесть тридцать под барабан, полчаса на туалет и заправку постелей, далее утренний осмотр, производимый взводными командирами. Затем шли в столовую на утренний чай (давалась кружка «китайского», ломоть белого хлеба, два куса сахара), после чего разводились по классам. Учеба продолжалась до двух часов дня с большой переменной в одиннадцать, где давался горячий завтрак – котлета с черным хлебом и кружка чаю.

С двух до четырех проводились строевые занятия на плацу, потом рота возвращалась в казарму, мыла руки и строем шла на обед. Он состоял из тарелки щей с мясом, котлет или форшмака, один раз среди недели давали сладкое.

После обеда разрешался отдых в течение полутора часов, за которым следовали самостоятельные занятия в классах. Далее вечерний чай, перекличка, вечерняя молитва и сон. Кровати по утрам юнкера заправляли сами, им также вменялась чистка оружия, амуниции и сапог, все остальное выполняла обслуга, набираемая из гражданских лиц и отставных солдат.

Через месяц «верблюды», так старшие звали младший курс, вполне освоились, наступил день Присяги.

За неделю до торжества им выдали парадную форму: двубортный мундир образца гвардейской пехоты (ворот и обшлага украшал золотой галун), шаровары, черную фуражку с синим околышем и алой выпушкой, хромовые сапоги со скрипом.

А когда этот день настал, он выдался солнечным и похожим, училище в полном составе вывели на плац, где построили в каре*. Справа юнкера старших курсов с винтовками блестящими штыками, слева – первокурсники без оружия.

Перед строем три священника – православный, католический и мулла, за которыми сиял медью оркестр. На середине батальонный командир полковник Арцибашев, по прозвищу Али-Баба.

Вскоре из своей квартиры появился начальник училища, он набрал в грудь воздуха, по плацу прокатилась команда «Смир-рна! Равнение направо!»

Томкеев размеренным шагом вошел в центр и приложил руку к фуражке, – здравствуйте юнкера!

– Здравия желаем господин полковник! рывкнули три сотни глоток, от стен отразилось эхо.

Он чуть кивнул Арцибашеву, тот скомандовал, – под знамя! На крааа-ул!

Последовали три быстрых легких всплеска, двести штыков уперлись в небо и тут же грянул марш. Знаменный расчет из трех портупей-юнкеров* вынес на плац знамя и, чеканя шаг, остановился у аналоя*. Раздалась команда, – на молитву! Шапки долой!

Вслед за этим раздался густой бас училищного священника, в золотом облачении, – сложите два перста и поднимите вверх. Теперь повторяйте за мной слова торжественной присяги.

Когда многоголосо повторяемые они отзвучали, юнкера первого курса, поочередно подойдя к нему, целовали крест с Евангелием, и возвращались на свои места.

– На-кройсь! – раздалась вслед за последним команда Арцибашева. – Под знамя, слушай, на кра-ул! Знамя тем же манером унесли, церемония закончилась, юнкера строем разошлись по ротным помещениям.

– Ну вот-с, теперь вы настоящие юнкера, – расхаживая перед двумя шеренгами первокурсников заявил Галич, называемый за глаза «Отец родной».

К слову, все училищное начальство, включая полковника, у юнкеров имело прозвища. Томкеева когда-то окрестили «стратегом» за любовь к проведению полевых учений, командира второй роты штабс-капитана Евстигнеева «меринном» (у него было лошадиное лицо), а третьей – поручика Клюге, обрусевшего немца, меж собой называли «супостат». Офицеры знали про то, но терпели. Имелись клички и у всех курсов, Младший, как уже упоминалось, звался «верблюдами», средний – «янычарами», а старший «фаталистами».

Через неделю, в следующее воскресенье, первокурсников впервые отпустили в увольнение. Все облачились в выходную форму, к которой полагались белые перчатки и тесак, каждого тщательно осмотрели взводные и Отец родной. У правофлангового Волкова он задержался (форма на том сидела как влитая, на груди сияла медаль), одобрительно хмыкнул и сказал, – видно ворона по полету, добра молодца, по соплям.

– Рад стараться, ваше благородие! – вздернул тот подбородок.

Затем ротный дал краткий инструктаж – в городе вести себя культурно, приветствовать всех старших, вернуться ровно к восьми вечера и ни минутой позже.

– Это всем ясно?! – грозно окинул строй.

– Так, точно, господин капитан!

– Вольно, разойдись, – махнул рукою.

Через пять минут увольняемые вышли за открытые дежурными ворота, где некоторые из местных, наняв пролетки, отправились домой, а остальные группами растеклись по улицам.

Михаил с Николаем решили немного ознакомиться с Тифлисом. Для начала отправились на проспект где стоял дворец наместника и впечатлились изысканной архитектурой, погуляли в городском саду рядом, с экзотическими деревьями и цветами, а затем решили подняться по одной из улиц на высокую гору в центре. Там оказался старинной постройки храм с источником, а неподалеку могилы, где были похоронены Багратион с Грибоедовым, княгиня Чавчавадзе и другие именитые лица.

С вершины на город с окрестностями открывался чудесный вид, вверху плыли легкие облака, и Михаил продекламировал

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне...

– Красиво. А я вот стихов не знаю, – вздохнул Волков. Он был сыном дьякона из Читы, отслуживший пять лет в армии и все больше нравился Михаилу. Своей недюжинной силой, рассудительностью и тягой к знаниям.

– Ничего, это дело наживное, – хлопнул его по плечу Пospelов.

Придерживая тесаки, спустились вниз, а когда шли по улице, почувствовали, что проголодались.

– Слушай, а давай зайдём в духан? – предложил Михаил. – Я угощаю.

У него было двадцать пять рублей, которые оставил отец, обещавший присылать каждый месяц ещё по десять

– Давай, а в следующий раз я, – согласился Николай. Юнкерам денежного содержания не полагалось, но он как унтер-офицер ежемесячно получал три рубля пятьдесят копеек.

Пройдя сотню метров, заметили нужное заведение в полуподвальной части углового дома. Истертыми ступенями спустились вниз, толкнули дверь, вошли. За ней оказалось сводчатое, из дикого камня помещение, чем-то напоминавшее трактир. В ближнем углу на стойку облокотился толстый усач с закатанными рукавами и в широких шароварах, у нескольких столов сидели посетители. В воздухе витал табачный дым, слышался гортанный говор, пахло жареным луком.

Пройдя вперед, юнкера заняли свободный столик (усач тут же оказался рядом).

– Нам, уважаемый, поесть и бутылку легкого вина, – поднял на него глаза Пospelов. Тот, молча кивнув, исчез в дверном проеме за стойкой.

Пока выполнял заказ, оба осмотрелись, публика была разная: несколько, по виду, крестьян, в темной одежде, два господина в котелках и модного кроя пиджаках, похожий на турка человек в феске, с длинной во рту трубкой.

Между тем хозяин вернулся, поочередно поставив на стол тарелки с двумя ароматными шашлыками на шампурах, лавашем с зеленью и темную бутылку вина.

– Хорошего апэтыта, – удалился.

Шашлыки были вкусными (Волков довольно замычал) лаваш мягкий и воздушный, вино холодное и кисловатое. Когда съели все до крошки, Пospelов расплатился, дав духанщику на чай, вышли наружу.

По случаю воскресенья народу на улицах прибавилось, взад-вперед катили экипажи и телеги, подбоченья проскакал всадник в черкеске и папахе. Издалека слышалась необычная музыка, неспешно пошли на нее.

Меж двумя домами, по натянутому канату на высоте шести сажен, ходил человек. В яркой свободной одежде, с шестом-балансиром в руках, грациозно и непринужденно. Под канатом стояли два музыканта, выдувая из флейт переливчатые звуки, кругом многочисленные зеваки.

Пройдя в первые ряды, юнкера задрали головы и стали наблюдать.

– Да, это тебе ни хухры-мухры, – восхищенно сказал Волков.

– Вроде местного цирка, – добавил Михаил. – Я однажды такое уже видел.

Завершив номер, канатоходец ловко скакнул на балкон соседнего дома и раскланялся, толпа захлопала в ладони, один из зурначей, сняв шапку, пошел с ней по кругу. Туда посыпались медь и серебро, Волков опустил гривенник. Затем послушали военный оркестр в городском саду, наблюдая публику, и к восьми вечера вернулись в роту.

Учеба продолжилась, дни были заполнены до предела. В классах изучали гуманитарные и естественные науки, включая французский и немецкий язык, а также специальные дисциплины: топографию, фортификацию, с артиллерией, черчение, военную географию, и уставы. На плацу – строевые и оружейные приемы, в гимнастическом зале занимались спортом, включая фехтование на эспадронах, а в манеже верховой ездой.

Появились первые таланты и в их числе Волков с Пospelовым. Первый в совершенстве знал штыковой бой, а второй удивил всех вольтижировкой. Михаил на ходу вскакивал на коня, делая седы на правую и левую стороны, вертел в седле «ножницы», делал стойку, ласточку и вертушку.

– Кто учил? – спросил обучавший езде, капитан Лесков.

- Донской казак Ефим Слепнев и наездники в Орловском цирке.
- Недурно, весьма недурно, – похлопал по плечу.

Глава 4. Становление и производство

В декабре всех юнкеров отпустили на рождественские каникулы, составлявшие почти две недели, а поскольку Волкову добираться до родных мест было почти пять тысяч верст, Михаил предложил их провести вместе в имении родителей.

– Да вроде как-то неудобно, – засмутился Николай. – Ты из дворян, а я из разночинцев*.

– Ты это брось, – возразил приятель. – Мой пращур камер-юнкер Пospelов Василий Иванович Пospelов был денщиком Императора Петра Алексеевича, и баронство получил за службу. На этом вопрос был исчерпан.

Более того, сословность в военных училищах России, к тому времени особой роли не играла, главным критерием была учеба.

Михаил отбил телеграмму родителям, купили билеты на поезд и спустя сутки были в Орле. На вокзале их встретил Ефим на санках, прогудевший, – тебя не узнать барин, настоящий охвицер.

– Да ладно тебе, – рассмеялся Михаил, – садись Коля.

– Но залетный! – рявкнул на жеребца казак, тот с ходу взял в карьер. Под полозьями завизжал снег, в лицо упруго ударил ветер. На юнкерах были шинели с башлыками, на головах смушковые шапки с орлами, но пока доехали до имения, оба изрядно продрогли. Мороз стоял за двадцать, мела поземка.

Встречены оба были радушно: Лидия Петровна, расцеловав сына даже чуть всплакнула, а Дмитрий Васильевич распушив усы, изрек, – гренадеры!

Гостям выделили комнату наверху, а когда те умылись с дороги, уселись за праздничный стол в зале. Мужчины выпили по рюмке коньяку (дама шампанского), а когда утолили первый голод, завязался разговор. Старшие Пospelовы ближе познакомились с Николаем, отца заинтересовала его награда. А когда выяснилось, что тот побывал в деле, – крепко пожал руку, – герой!

Почти две недели отпуска пролетели как один день. Приятели побывали на балу у градоначальника, где танцевали польку и кадрили с молодыми девицами, посетили синематограф и местный театр, где смотрели «Женитьбу Бальзамина», дважды выезжали с Дмитрием Васильевичем на охоту, а еще подрались с двумя подвыпившими купцами, обозвавшими их дармоедами. Впрочем, драки как таковой не было. Одному Михаил дал в ухо, тот опрокинулся на спину, а второго Николай воткнул головой в сугроб.

Назад возвращались отдохнувшие и бодрые, каникулы пошли на пользу.

В начале мая училище выехало на все лето в лагерь. Впереди, батальонный командир Арцибашев с офицерами верхами, за ними строй юнкеров в белых рубашках, на плечах скатки и винтовки с примкнутыми штыками, сзади катились несколько телег с провиантом.

– За-апевай! – обернувшись, привстал на стременах курсовой офицер* Вронский по кличке Еж и махнул рукой в перчатке.

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам!

взвился над строем молодой звонкий голос, эхом отражаясь в скалах.

Так громче музыка играй победу
Мы одолели, и враг бежит, раз-два!

громогласно поддержали еще триста.

– Гуп-гуп-гуп, – размеренно стучали сапоги, вдали белели снежные вершины Кавказского хребта.

Лагерь находился в живописной долине за Сурамским перевалом и состоял из нескольких деревянных казарм, каменного флигеля для офицеров, конюшни и склада.

Там проводились исключительно полевые занятия. Проходили ротные с батальонным учения, тактические тренировки, отрабатывался рассыпной строй и караульная служба, проводили курс стрельб, занимались гимнастикой.

Младший курс осваивал инструментальную съемку, старшие составляли глазомерные кроки* по тактическим задачам. Подъем был в шесть утра, после завтрака занятия и отработки на свежем воздухе, в полдень обед за дощатыми столами, врытыми у полевой кухни, после него два часа отдыха.

Во второй половине дня занятия возобновлялись и завершались на закате. Юнкера купались в специально устроенной близ лагеря запруде с проточной водой из горной речки, ужинали, а потом чистили оружие с амуницией. После вечерней молитвы и горна, отправлялись отдыхать.

Рота первокурсников становилась единым организмом, у Пospelова с Волковым появился еще один приятель. Он был родом из Абхазии, принадлежал к княжескому роду Званба, носил имя Беслан. Ростом был невысок, но жилист, сошлись на почве любви к лошадям и охоте.

По воскресеньям, которые считались выходными, юнкера занимались по интересам. Одни до обеда отсыпались, другие рыбачили на скачущей по камням речке или гуляли в сосновом лесу, а Михаил с друзьями любили подняться в старую крепость, господствующую над местностью, построенную в пятнадцатом веке. С ее стен открывались высокие горы с альпийскими лугами и синие, в туманной дымке, долины.

Из лагеря возвращались загоревшие и бодрые, начались курсовые экзамены. Их сдали успешно, и отправились на каникулы до начала сентября. Званба пригласил Пospelова с Волковым на неделю в Сухум, где жили его родители.

Оба с радостью согласились, тем более что за ним прибыла пароконная коляска, запряженная отличными лошадьми. Получив отпускные билеты, погрузились и тронулись в путь.

Спустя три дня на берегу живописного залива, открылся цветущий город. Он уступами опускался к морю, был застроен деревянными и каменными домами с галереями, виллами и особняками. Вскоре коляска катила по набережной, остановилась у одного, кованые ворота отворились, въехали внутрь. Впереди высилось двухэтажное здание в стиле ренессанс*, по сторонам хозяйственные постройки со службами, сзади тропический сад.

Коляску тут же окружили слуги, приняв и унеся вещи, на широком крыльце появился седой усач. Был он в алой с серебряными газырями черкеске и мягких сапогах.

Поднялись по ступеням, Беслан расцеловался с отцом, представил друзей.

– Рад, очень рад, – на чистом русском сказал князь. – Милости прошу в дом. Зашли, впечатляясь внутренним интерьером и отделкой. Потом каждому из гостей было определено по комнате, где те привели себя в порядок, через час все сидели на открытой галерее за роскошно сервированным столом, откуда открывался чудесный вид на море.

Как оказалось, князь служил в 13-м лейб-гренадерском Эриванском полку, самом старом в русской армии, участвовал в последней войне с турками и находился в отставке. Когда Михаил рассказал, что его отец тоже участник той кампании искренне обрадовался.

– И кем же, позвольте спросить?

- Подпоручиком в отряде пластунов-охотников, ваше сиятельство.
- Да, хорошо помню такой. Смелые и отчаянные ребята.
- А у вас господин унтер-офицер, гляжу, уже имеется заслуга? – взглянул на Николая.
- Так точно, ваше сиятельство. За оборону Харбина и штурм Пекина.
- Похвально-похвально (махнул рукой стоявшему сзади лакею). Налей-ка Арчил нам еще шампанского.

Обед прошел весело и непринужденно, затем князь, извинившись, отправился по делам, а юнкера поспешили в город. Для начала прошли в одну из многочисленных купален на берегу, где всласть наплавались в прозрачной морской воде, затем купили у ходивших по пляжу торговцев с лотками через плечо, инжира с лавровишней, удивляясь их экзотическому вкусу.

– А теперь я покажу вам парк Синоп, – сказал Беслан, когда все съели и оделись. – Такого у вас в России нет.

– Так уж и нет, – рассмеялся Михаил, а Николай недоверчиво хмыкнул.

– Пошли, – поправил тот бескозырку, все трое покинули купальню. Парк оказался на восточной окраине и ошеломил гостей. На его длинных аллеях с гуляющей публикой росли всевозможные деревья: могучие платаны, кипарисы с пальмами, кедр, и даже бамбук.

– Да, ты прав, Бесланчик, – открыл Михаил рот, а Николай умилился, – ты смотри, даже кедр есть, почти как у нас в Сибири. И кто ж создал такое чудо (воззрился на экскурсовода сверху вниз).

– Полковник артиллерии Введенский. А потом его выкупил великий князь Алексей Михайлович Романов и дал это название. В честь победы русского оружия в Синопском сражении.

– Достойно, весьма достойно, – переглянулись Волков с Пospelовым.

Когда погуляв по чудесному городу до заката вернулись в усадьбу, за ужином князь сообщил, завтра ожидается визит принца Ольденбургского.

Это был широко известный в России правнук Павла Первого, член Государственного совета, попечитель императорских училищ и благотворитель.

– Так что, господа юнкера беру всех с собой. Александр Петрович мой хороший знакомый.

В одиннадцать утра коляска с князем и приглашенными, покатила в порт. Там уже были выстроены шпалерами солдаты, за которыми теснились празднично одетые обыватели, в центре стоял градоначальник с блестящей свитой – присоединились.

Высокого гостя доставил паровой катер из Гагр, как только ступил на причал, – грянул оркестр. Он подошел (умолк), градоначальник доложил – пожал тому руку. Под ликующие крики толпы и «Гвардейский марш» принца сопровождали во дворец, где состоялся праздничный обед. Там князь представил сановнику юнкеров, которые млели от счастья.

На обеде градоначальник сообщил, в четвертом часу дня, по случаю знаменательного события состоятся скачки (гость весьма их почитал), раздались аплодисменты.

– А что, Миша, может примешь в них участие? – наклонился к приятелю сидевший рядом за столом Беслан.

– Да куда мне, – пожал тот плечами.

– Соглашайся, – поддержал Беслана Николай. – Поддержи честь училища.

– Если только разрешат, – оживился Пospelов.

– Разрешат, – заверил Званба.

Когда обед завершился он подошел к отцу, беседовавшему о чем-то с градоначальником, и быстро вернулся.

– Вопрос решен, ты внесен в список. – А теперь в усадьбу, подберем коня.

Скачки состоялись в назначенное время за городом при большом стечении народа. Гость и местная знать сидела на специально устроенной трибуне, перед ними, в линию, сорок всад-

ников – гарнизонные офицеры и лучшие наездники из абхазов. Все на великолепных лошадях, в белых кителях и черкесках. Под Михаилом перебирала тонкими ногами и грызла удила белая кобыла по кличке Асида.

По знаку градоначальника распорядитель на линии пальнул вверх из револьвера, всадники понеслись. Михаил чуть замешкался на старте, отстав на три корпуса.

– Давай, давай родимая, – пригнувшись к шее кобылицы, слился с ней воедино. Часто замелькали копыта, в ушах засвистел ветер. Дистанция сократилась, через версту они были в основной группе. Обогнув высокую вешку с флагом, всадники, гикая и шпоря коней, понеслись обратно. Первыми к финишу пришли ротмистр на караковом жеребце, джигит в мохнатой шапке на поджаром иноходце и местный коннозаводчик, юнкер оказался четвертым.

После восторженных оваций победители приняли из рук его Высочества подарки: ротмистр золотой портсигар, джигит бельгийскую двустволку, а помещик цейсовский бинокль.

– Ничего кунак, – хлопнул по плечу тяжело дышавшего Михаила Беслан. – Четвертое место тоже здорово.

– Тем более, впереди джигитовка, покажи класс, – сжал здоровенный кулак Волков.

В ней участвовал тот же состав, состязания проходили вблизи трибун. Участники на ходу вскакивали на коня, лихо вертели ножницы, опрокидывались под седло, а потом неслись на нем стоя. Здесь юнкер оказался первым, блестяще выполнив все приемы, за что принц Ольденбургский вручил ему первый приз – кавказскую шашку с клеймом «гурда»* и серебряным эфесом. А еще расцеловал в щеки, – молодец!

– Рад стараться, ваше высочество! – вытянулся во фронт юнкер.

Спустя неделю они с Волковым покинули гостеприимный дом приятеля, вернувшись в Тифлис, откуда отправились каждый к себе на родину.

Дома Михаил рассказал о поездке в Абхазию, передал отцу привет от князя и показал шашку.

– Ценный подарок, береги, – оценил Дмитрий Васильевич.

На втором курсе предметов добавилось: общая тактика с основами стратегии, законоведение, военная администрация и инженерное дело. Теперь их рота перешла в разряд «янычар», парни возмужали. У многих пробились усики, являвшиеся предметом моды. Появились они и у Михаила – тоже рыжие, как и короткий бобриск.

В увольнение отпускали два раза в неделю – среду и воскресенье, стали чаще навещаться на различные представления в театр, а еще ухаживать за местными девицами. Впрочем, Михаила они интересовали мало, он часто вспоминал Лизу. Иногда она приходила к нему во снах, раскачиваясь под куполом цирка.

Случилась и первая потеря. Юнкер Корольков, изрядно выпив в духане, учинил там драку, был доставлен в казарму полицией и отправлен в солдаты. Дисциплина в училище была строгой, за ее нарушение можно было попасть в карцер или на гарнизонную гауптвахту.

Учился Михаил ровно, «звезд с неба не хватал», а вот Волков удивлял всех, становясь лучшим в военных дисциплинах: великолепно знал уставы и тактику, чертил, успешно осваивал топографию с артиллерией.

– Быть тебе, Коля, штабным офицером, – шутил Беслан. Сам он особыми знаниями не блистал, но был надежным товарищем.

Серьезно внимание уделялось в училище и физической подготовке, которую вел поручик Аксельрод, знаток английского бокса и непревзойденный боец на эспадронах*.

Он гонял юнкеров до седьмого пота, но к Пospelову с Волковым имел благосклонность. Михаил успешно противостоял ему в фехтовании, оба удивляли силой. Волков мог удержать на вытянутой руке винтовку, держа за штык и согнуть на шее лом, а Михаил сломать подкову.

Учитель словесности и истории профессор Ягужинский, прививал воспитанникам любовь к отечественной литературе, особо выделяя Достоевского Гоголя и Толстого. Из всех

Михаил выделял Гоголя, особенно его повесть «Тарас Бульба». Достоевский наводил на него тоску, а величие «Войны и мира» не понимал, хотя зачитывался «Казаками» и «Севастопольскими рассказами».

Из второго зимнего отпуска он привез дареный винчестер и когда выступили в летний лагерь, с разрешения начальства, по утрам, вместе с Бесланом уходил в горы на охоту. А поскольку с раннего детства отлично стрелял, в первый же день добыл архара*, который пошел в училищный котел.

В напряженной учебе минул еще год, перешли на последний курс в разряд «фаталистов». Многие, включая Пospelова, получили на погоны унтер-офицерские лычки, Волков стал фельдфебелем. Начались разговоры, кто и куда хотел бы выйти служить.

Чтобы это уточнить, каждый купил себе «Краткое расписание сухопутных сил», где были указаны все армейские части с их дислокацией и фамилиями командиров корпусов, дивизий, полков и отдельных батальонов. Обсуждались боевые характеристики испрашивались мнения курсовых командиров, получались сведения из иных источников.

Наиболее престижным считалось служить в Петербурге, Москве, Царстве Польском и Кавказе, далее шли губернские с уездными города, остальное считалось Тмутараканью*. Распределение шло по бальной системе, максимальное их число составляло десять.

Юнкера набравшие таковое за весь период обучения и успешно сдавшие экзамены, причислялись к первому разряду, получая право выбора лучших. Остальные (второго) довольствовались тем, что осталось. Волков с Пospelовым претендовали на первый разряд, Званбу это беспокоило мало. Все его предки служили в Эриванском полку, и куда распределится князь, было ясно.

С началом весны начались хлопоты по пошиву обмундирования. Каждому будущему офицеру на него отпускались из казны триста рублей. На эту сумму шили мундир с шароварами, сюртук с двумя парами длинных брюк, шинель, два летних кителя, фуражку, барашковую шапку, две пары сапог и пару штиблет. Из нее же заказывались эполеты с погонами, и покупалось оружие – шашка с револьвером. В завершение, заказывался офицерский сундук для перевозки всего этого «приданного».

За месяц до начала экзаменов с Михаилом случилась неприятность, едва не приведшая к фатальным результатам

В этот день, они с Волковым и Званбой, находясь в увольнении, зашли в серные бани, случайно узнав, что в свое время их посещали Пушкин и Дюма. Искупавшись и вволю напарившись, друзья немного покейфовали, выпив по чашечке кофе, обновленными вышли на свежий воздух. Поблизости многогласно шумел базар, решили зайти купить турецкого табака.

Базар разногласно шумел, мелькали овечьи шапки и бритые головы, фески с картузами, мужчины и женщины, закутанные в белые чадры, невозмутимо стоявшие верблюды и грустные ослы. Внезапно сбоку раздался гортанный крик, обернулись.

Молодой кавказец в бархатной чохе* с разрезными рукавами, секанул плетью безногого инвалида на тележке и с георгиевским крестом, не успевшего освободить дорогу.

– Подлец! – рванулся к нему Михаил, влепив пощечину. Тот пошатнулся, а два шедших позади горца, схватились за кинжалы. Толпа отпрянула по сторонам, а потерпевший, держась за щеку, что-то гортанно прокричал.

– Он дворянин, – перевел Беслан. – Требуется удовлетворения.

– Не связывайся, Миша, себе дороже, – нахмурился Волков.

– Тут дело чести, – не согласился Пospelов, группа отошла в сторону.

Молодой человек оказался сыном богатого помещика из Мцхеты*, договорились драться в следующее воскресенье. В качестве оружия выбрали пистолеты.

– Ты же знаешь, с шпаками* дуэли запрещены, – бурчал Николай, когда возвращались в училище. Застрелят или выгонят дурака и это накануне выпуска.

- Так и ты убивал людей, – не согласился Михаил.
- Одно дело на войне, а тут совсем другое.
- На все воля Аллаха, – развел руками Беслан, все замолчали.

Неделя прошла в раздумье и тревоге (в людей Пospelов еще не стрелял), а тут придется. Однако отступать было поздно. К тому же помнил завет отца, которого глубоко уважал, – не прощать подлости и бить первым.

В назначенное время юнкера вместе со знакомым фельдшером, приехали на коляске в обусловленное место, к остаткам сторожевой башни в версте от Тифлиса. При них была коробка с дуэльными пистолетами, позаимствованная Бесланом у приятеля-офицера Эриванского полка.

Спустя пять минут, верхами, прибыла вторая сторона. Теперь дворянин был в белой черкеске и такой же смушковой папахе. Обе чопорно раскланялись, оговорили детали, дуэлянты зарядили оружие и разошлись на двадцать шагов. По условиям первым стрелял оскорбленный, сигнал – мах белого платка.

Заложив левую руку за спину и держа правой вверх пистолет, Михаил с громко бьющимся сердцем стал вполоборота к противнику. Тот повторил, взвел курок и прицелился. В следующий миг Звамба, выполнявший роль секунданта махнул носовым платком – грохнул выстрел, у щеки просвистела пуля.

Настала очередь Пospelова. Он медленно опустил ствол, задержав дыхание, плавно нажал спуск. Папаха слетела с головы и покатила по траве, в горах откликнулось эхо.

– Если есть желание, будем продолжать (расслабил руку). Но второй будет точно в лоб, предупреждаю.

Бледный искатель приключений, отрицательно повертел головой, на этом все закончилось. Волков уложил пистолеты в коробку, юнкера шелкнули каблуками, «честь имеем» и пошагали к коляске.

Каким-то образом слухи о поединке дошли до наместника, тот вызвал к себе Томкеева и приказал учинить дознание.

– Если факт подтвердится, наказать строжайшим образом, вплоть до исключения, – распушил бороду.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – откланялся тот и убыл.

В ходе дознания выяснилось, что португей- юнкер Пospelов заступился за честь русского солдата, да к тому же кавалера* о чем полковник доложил князю.

– Это меняет дело, – побарабанил тот по столу пальцами. – Молодец, но все равно наказать, как-нибудь помягче.

– Разве что выпустить по второму разряду?

– Давайте по второму. Но определите в достойный полк.

Так и случилось. Михаилу снизили общий бал и, получив чин подпоручика, он был определен в 6-й пехотный Либавский Принца Фридриха-Леопольда Прусского полк. Полк был с историей. Сформированный почти сто лет назад из Петровских мушкетеров, он принимал участие в войне с Наполеоном, бывал в заграничных походах сражаясь в составе Силезской армии, а в битве при Бриен-ле-Шато, атаковал неприятеля и, не смотря на сильный огонь, штыками выбил его из селения и замка.

Николай Волков, как лучший на курсе, пожелал служить в гвардии, а Беслан Звамба распределился в Эриванский полк. На прощание в офицерском собрании*, куда пригласили наместника, устроили выпускной бал, где было много речей и тостов.

Далее новоиспеченным подпоручикам предстоял отпуск, дабы спустя месяц продолжить службу в новом качестве. На Тифлисском вокзале Пospelов с Волковым и Звамба распрощались, обещая не забывать друг друга и писать письма.

По случаю производства сына в офицеры, родители Михаила устроили званый ужин. В числе прочих был помещик Куропатов, их дальний родственник и большой любитель псовой охоты.

– А что, Дмитрий Васильевич? Не погонять ли нам зайчишек в степи, – сказал он, смакуя мадеру за столом. – Их в этом году великое множество.

– С удовольствием Пал Палыч.

– В таком случае приглашаю вас с Мишей завтра поутру к себе. Часиков этак в восемь.

– Непременно будем, – пыхнул трубкой хозяин.

К назначенному времени отец с сыном при полной экипировке и на резвых лошадях прибыли в усадьбу Куропатова. Там уже собрались участники, в том числе три дамы. Две средних лет с мужьями и одна молодая с золотыми волосами, похожая на польку. Хозяин представил ее – оказалась двоюродной племянницей Ириной, заехавшей погостить из Львова.

Между тем ловчий* доложил о готовности, шумная кавалькада выехала со двора.

В березовой роще щебетали птицы, на востоке поднималось солнце, освещая зелень деревьев, горизонт был окутан легкой дымкой – все сулило прекрасный день.

– Так вы офицер Мишель? – игриво спросила едущая рядом Ирина. На лошади она сидела по дамски, но уверенно, чувствовался навык.

– На днях произведен, – залюбовался красоткой подпоручик.

– Вот как? – рассмеялась соседка. – Интересно.

Когда выехали в степь, ловчий прогудел в рожок, охота началась. Доезжачие спустили собак, те с лаем на махах понеслись вперед, сзади, рассыпаясь веером, всадники. Михаил с Ириной оказались на левом фланге, внезапно ее лошадь сбилась с рыси и захромала.

Они остановились, кавалер спрыгнул с коня, выяснилось, потерялась подкова.

– М- да, незадача, – поднял на спутницу глаза. – Для нас охота закончилась.

Кавалькада удалялась все дальше, лай борзых стал едва слышен.

– В таком случае предлагаю отдохнуть вон там, – показала женщина пальчиком на синевшее в ложбине озеро. Юноша с готовностью вскочил в седло, тронулись к нему шагом.

– Помогите мне, – улыбнулась, когда остановились на берегу, и скользнула к нему в руки. Михаил почувствовал упругое тело, лицо обдало жаром.

– Нравлюсь? – тесно прижавшись, впиалась поцелуем в губы...

Потом они лежали рядом на траве и бездумно смотрели в небо, где кувыркался и трепетал жаворонок.

Был еще ряд тайных встреч, а когда на последней Михаил спросил Ирину, можно ли ей писать письма, та ответила, – зачем? Это было всего – лишь небольшое приключение. К тому же я замужем.

Глава 5. В крепостном гарнизоне

Состав, шипя паром, втянулся на вокзал, проводники, протерев поручни, встали у вагонных дверей, пассажиры в их числе Поспелов, спустились на перрон.

Был он в лихо заломленной фуражке, парадно-выходном мундире с золотыми погонами и при шашке, в руке кожаный чемодан. Пропустив толпу, он поставил его у ног, вынув портсигар, закурил и неспешно проследовал к стоянке у вокзала. К офицеру тут же подкатила коляска, сел в нее и приказал возчику, – в крепость!

Вокзал остался позади, открылся город. Он производил благоприятное впечатление: разных эпох каменные дома, в несколько этажей общественные здания, тротуары и брусчатка на улицах. По ним туда-сюда сновали прохожие, катили телеги с фаэтонами, имелось множество, магазинов с лавками, всяческих мастерских и трактиров.

Миновав площадь с пятиглавым собором и летний, в багряных листьях сад, доехали до окраины, застроенной деревянными домишками, откуда открылась громада крепости, считавшейся одной из лучших в Европе. Она занимала обширную территорию (не меньше города), к главным воротам, через реку тянулся мост, охраняемый двумя часовыми, рядом находилось караульное помещение.

Извозчик натянул вожжи, – тпру! Михаил расплатился и, прихватив чемодан сошел. В караулке доложил дежурному офицеру, тот проверив его бумаги, закрутил телефонную ручку.

– Докладывает прапорщик Епифанцев! На посту подпоручик Пospelов. Прибыл для прохождения службы в шестой полк. Слушаюсь! – снова закрутил и повесил на рычаг.

– Позвольте спросить, что заканчивали? – поднял на Пospelова светлые глаза.

– Тифлиское пехотное училище.

– А я Могилевскую школу прапорщиков, (встал) – Гриневи́ч Борис Станиславович. Протянув друг другу руки, крепко пожали, завязался разговор.

Минут через пять открылась дверь, появился стройный поручик с витым аксельбантом на плече.

– Вы Пospelов?

– Я.

– Адьютант командира полка Ляпишев Игорь Николаевич, – дернул головой. – Пройдемте со мной. А ты, – кивнул одному из подменных солдат, захвати чемодан поручика.

– Слушаюсь, ваше благородие!

Вышли втроем из караулки, пошагали по мосту в сторону ворот. Под его аркой стоял второй пост, вытянувшийся во фрунт. За стенами оказался просторный, серого булыжника плац, на котором маршировала рота солдат, по окружности две длинных, красного кирпича казармы, а в дальнем конце трехэтажный особняк со стрельчатыми окнами и растущими перед фасадом елями.

Зашли в высокий вестибюль (там тоже сидел дежурный), Ляпишев приказал солдату поставить чемодан и ждать, а сам, вместе с прибывшим, поднялся в приемную полкового командира. Тот сидел в своем кабинете за столом под портретом Государя Императора, просматривая какие-то документы. На вид лет пятидесяти, грузный, с окладистой бородой и орденом Святой Анны 1-й степени на шее.

Пройдя несколько шагов вперед, Михаил вытянулся и щелкнул каблуками, – ваше превосходительство! Подпоручик Пospelов прибыл для прохождения дальнейшей службы!

– Садитесь, подпоручик, – милостиво кивнул полковой командир, указав рукой на один из стульев (адъютант вышел, тихо прикрыв дверь). – Значит, выбрали службу у нас? Похвально-похвально, – пророкотал густым басом. – Полк учинен самим Пером Великим и отмечен в сражениях, так что состоять в нем большая честь. Примите полуроту в первом батальоне. Засим не задерживаю, Игорь Николаевич определит вас на постой, завтра на службу.

– Разрешите идти? – встал подпоручик.

– Идите.

– Слушаюсь! – вскинул к фуражке руку, четко повернулся и вышел из кабинета.

– Куда назначены? поинтересовался адъютант.

– В первый батальон, командовать полуротой.

– Ясно, а теперь пойдемте со мной, определю вам жилье в крепости.

По дороге он рассказал, что холостые офицеры, как правило, обретаются здесь в гостинице, но могут снимать жилье в городе.

– Рекомендую здесь, условия неплохие, да и ходить, туда-сюда не придется.

Гостиница оказалась за вторым арочным переходом позади штаба, в сером флигеле с черепичной крышей, дальше виднелись еще какие-то строения. Поднявшись на крыльцо, про-

шли в левую часть коридора, остановились у одной из дверей. Адъютант вынул из кармана ключ, повернув в скважине, – милости прошу.

Комната была небольшая, в одно окно. С узкой, заправленной солдатским одеялом койкой, шкафом в углу, столом, двумя стульями и рукомойником за перегородкой.

– Обстановка конечно спартанская, – раздёрнул занавески на окне Ляпишев. – Но жить можно.

Когда передав ключ от комнаты, он ушел, Михаил, открыв чемодан, определил вещи в шкаф, туалетные принадлежности на полку и проверил белье на койке-оно было свежее. Затем вышел в коридор, где встретил смуглого офицера, чем-то похожего на Пушкина.

– О! Да вы никак новый жилец, – округлил тот глаза. – Прапорщик Вербицкий. Познакомились ближе. Узнав, что Михаил прибыл из училища и назначен в первый батальон, весело рассмеялся, – так и я в нем, утром вернулся из отпуска. Как вам наша твердыня?

– Пока не ознакомился.

– Могу выступить гидом.

– С удовольствием, только запрю комнату.

Когда оба вышли из гостиницы Вербицкий сопроводил Пospelова к центру крепости, где на зеленой лужайке высился собор. Построен он был в византийском стиле с боковыми нефами, большой абсидой* и величественным куполом, венчаемым георгиевским крестом.

– Оттуда наилучший обзор, – пояснил спутник, – иначе придется ходить до вечера.

Сняв фуражки, вошли в пустой гулкий зал, изукрашенный богатой росписью, где теплились свечи, а со стен смотрели лики угодников, перекрестились, по узкой лестнице поднялись на колокольню, откуда открывался чудесный вид. Широкий Буг, с поросшими лесом берегами, расцвеченными первыми красками осени, а в небе с неярким солнцем, журавлиный клин.

– Ну что же, приступим, – сказал Вербицкий. – Итак, наша крепость состоит из цитадели, где мы собственно находимся и трех защитных укреплений, протяженностью в шесть километров. Стены цитадели двухметровой толщины, в ней пятьсот казематов, рассчитанных на двенадцать тысяч человек. Центральное укрепление находится на острове, образованном Бугом и двумя рукавами его притока Мухавца, – показал пальцем.

– С этим островом (продолжил) подъёмными мостами связаны три искусственных острова, образованные Мухавцом и рвами. На них находятся укрепления: Северное – с четырьмя куртинами и вынесенными рavelинами; Западное – с вынесенными люнетами и Южное, с аналогичными. Кроме того, как видите, фортеция обнесена десятиметровым земляным валом с встроенными казематами.

– Получается, кроме нашего полка здесь имеются и другие? – внимательно выслушал Пospelов.

– Да, еще четыре. В случае мобилизации они разворачиваются в пехотную дивизию.

В это времени со стороны штаба мелодично просигналил рожок.

У папеньки, у маменьки

Просил солдат говядинки.

Дай, дай, дай.

в унисон пропел Вербицкий и молодые офицеры рассмеялись.

– Ну что?– сказал он, – пора подкрепиться – Кормимся мы в офицерском Собрании*, но можно брать обеды домой. Кстати, когда будете присматривать денщика, рекомендую хохла. Они домовитые.

– Учту,– ответил Пospelов, и оба начали спускаться.

Со следующего утра началась служба. Батальонный командир, подполковник Николаев представил новичка офицерам, и тот принял полуроту. В ней было два взвода по сорок человек во главе с унтер-офицерами и отделенными.

Начались строевые занятия на плацу: отрабатывали строевой шаг, повороты на месте и в движении. Фельдфебель его подразделения Галич зычно отдавал команды, подпоручик шел рядом, не вмешиваясь.

Спустя два часа, после короткого перерыва, перешли к гимнастике. Выполняли упражнения на брусьях, подтягивались на перекладине и лазали по канату. У одних получалось лучше, у других не вполне.

– Всем смотреть, как надо! – расстегнул подпоручик портупею с шашкой, передал ее Галичу и шагнул к брусьям. Встав меж них, подпрыгнул, уцепив ладонями, сделав широкий мах, выполнил стойку на предплечьях и соскок. Перешел к перекладине, подтянувшись два десятка раз и в завершении расставив ноги, поднялся на руках вверх по канату.

– Уразумели сучьи дети? – пророкотал Галич, возвращая офицеру шашку.

– Оставить фельдфебель! Не смей оскорблять.

– Виноват, ваше благородие, – побагровел тот щеками.

После обеда занятия продолжились в казарме, где изучали устав. Рядовые сидели группами на скамейках, перед ними взводные.

– Что есть часовой? Маркин, отвечай, – ткнул пальцем старший унтер-офицер Духно в ближнего.

– Часовой есть лицо неприкосновенное (вскакивает).

– Почему?

– До него никто не может прикоснуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.